

КРОКОДЛ

2556
15

Воскресное Коммунистическое Память Коммуны
ПРАВДА
Орган Центрального Комитета и МК ВКП(б)
в 12 стр. 23 апреля 1936 г. № 13

Лозунги победившего социализма

Провокаторы всех стран, соединяйтесь!
ЯПОНСКИЕ МИЛИТАРИСТЫ НЕ ПРЕКРАЩАЮТ ПРОВОКАЦИИ НА ДАЛЬНЕ-ВОСТОЧНЫХ ГРАНИЦАХ НАШЕЙ РОДИНЫ! БУДЕМ БДИТЕЛЬНЫ! БУДЕМ ГОТОВЫ ДАТЬ СОКРУШИТЕЛЬНЫЙ ОТПОР ПРОВОКАТОРАМ ВОЙНЫ!

БЕРЛИН В ОЖИДАНИИ АНГЛИЙСКОЙ ПОТЫ

СОБЕТСКИЕ САДКИ ТОЧНО ПРИВЕТСТВУЮТ ВОСТАНАВЛЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА

Профессор норвежского университета постранил для в Москве

Дор. Ефимова - 36.

Рис. Бор. Ефимова

Т О Ж Е И К О Р О Ч Е

— Папа, а как можно сокращенно писать Союз советских социалистических республик?
— Пиши: родина.

Рис. Л. Генча

— Хорошо, наверное, сейчас в колхозе... Вечера какие!..
— Ну еще бы! Пушкинский вечер, лермонтовский да и гоголевский подготавлиют...

О Б О Д И Н О Ч Е С Т В Е

Еще совсем недавно Иван Иванович был молод. Но незаметно прошло семь лет, потом эти трудные пять с половиной лет. Потом трудные пять с половиной лет прошли и незаметно проскочили шесть веселых лет, затем он отдыхал в Гаграх с Марьей Ивановной, с тех пор, — чорт знает, как быстро и незаметно! — пролетело тоже три с половиной года, и в общем выяснилось, что он уже не молод, живет один, правда, в новом доме, в большой хорошей комнате, правда, у него хорошее положение, он служащий, к нему хорошо относятся и так далее, но то, что знает каждый одинокий человек, знает и он, а именно: тягости, проистекающие от одиночества.

Одна из главных тягостей одиночества заключается, как известно, в знаменитом моменте возвращения домой в одинокую комнату. Когда одиноко живущий человек видит с улицы или со двора темные, неосвещенные окна своей комнаты, он испытывает тягость. Это чувство заставляет его, даже если он был в гостях, еще зайти в какой-нибудь ресторан, еще блуждать по улицам и как можно дольше оттянуть тягостный момент возвращения в одинокую комнату. Из-за этого момента люди женятся на ком попало, вселяются в коммунальные квартиры, из которых потом не знают, как бежать, и делают много других неосторожных шагов. А ведь что, собственно, нужно человеку, когда он возвращается домой? Нужно, чтобы окна были освещены, чтобы можно было какому-то живому существу задать два-три вопроса, вроде того: звонил ли кто-нибудь, есть ли письма или нет писем, и еще обменяться несколькими незначительными вопросами. Просто нужно слышать живой человеческий голос.

И Иван Иванович, гордый и неприступный для многочисленной своей провинциальной родни, написал письмо в Ярославскую область, чтобы приехал к нему Васютка, его племянник, подросток, которого он знал по давнишней фотографии светленьким, ласковым ребенком. Приглашение от богатого и знатного дяди-москвича было принято с восторгом, и через две недели комната Ивана Ивановича оживила. В ней появился приятный молодой человек, очень похожий на свою фотографию, но возмужалый, с приятным голосом, с каким-то врожденным тактом, который почти совершенно освобождал его от ошибок и глупостей, свойственных столь молодому возрасту. Васютке было семнадцать лет. Дяде он очень понравился, как дядя понравился и ему. Иван Иванович с удовольствием выслушивал рассказы о жизни в Ярославской области, об охоте, об учебе, которую он начал там и намерен продолжать в Москве. Первое время они ходили по театрам, по кино. Дяде было приятно смотреть, как молодой племянник жадно впитывает все, что видит. Было приятно отвечать на его многочисленные вопросы. Он купил ему книг и обещал хлопотать об учебе. Но хлопотать ему не пришлось. Племянник сам поступил на рабфак. Это немного покорило дядю: он хотел быть полным опекуном племянника, — но пришлось сделать вид, что это ему очень приятно. Племянник вставал рано, ходил на занятия, дома тоже занимался, но все же находил время, чтобы беседовать с дядей. Иван Иванович кончал службу, шел еще по разным делам, а когда возвращался домой, то обычно дома было светло, он знал, что дома племянник — один или с товарищем, а то и с группой товарищей, парнями и девушками, и никогда это не было легкомысленно и дешево, а всегда

хорошо, молодо, весело, и дядя приносил домой конфеты или пирожные и угощал молодую братию.

Но длилось это недолго. Васютка вступил в комсомол. Он засиживался в организации, начал приходить домой позже. По вечерам учился в кружке иностранных языков, часто усиленно читал и на вопросы дяди в эти часы отвечал вежливо, но кратко. В выходные дни, на которые начал рассчитывать дядя, Васютка рано утром уезжал — на спортивные состязания или на экскурсии. Незаметно прошел год. Васютка исхудал, почернел. Первая любовь обожгла его — дядя уже встречал его поздно вечером на лестнице — одиноко стоящего в мрачном настроении — или на улице, у ворот — в состоянии явного волнения... Васютка уже возвращался домой частенько и в час и в два ночи, когда добрый дядя уже спал. Пришлось заказывать племяннику отдельный ключ. И вдруг все кончилось. Племянник поступил в институт, расположенный далеко за городом, и переселился в общежитие. Разве был смысл ездить два раза в день так далеко и вообще стеснять дорогого дядю, который сделал для него так много?

Иван Иванович опять остался один. Опять эти темные неосвещенные окна. Правда, у Васютки в последнее время уже начал обнаруживаться эгоизм, свойственный всякому живому существу, уже дядю коробили всякие мелочи, но все же парень был очень хороший — это прямо сказать, — и одиночество сильно скрашивалось благодаря его обществу. Но что делать теперь? Что ж, надо искать других людей.

Иван Иванович был горд: к своим приятелям относился жестко. К одному не ходил, потому что считал его ниже себя, к другому потому, что не так пригласили. И так далее. Нет, — решил Иван Иванович, — гордыню надо смирить, надо встречаться с людьми. И он захаживал то к одному, то к другому. Но это радости давало мало: одинокие окна были не освещены, и холодок в сердце не проходил.

Он опять написал письмо в Ярославскую область: нет ли кого, кто хочет ехать в Москву? Он может помочь. У него комната, почти весь день пустая, и так далее. Ему написали, что очень хочет ехать в Москву Машутка, тоже племянница, дочь другой сестры. Она только что окончила девятилетку. Она даже мечтать не смеет о таком счастье. О добром дяде она слышала, и если последует его приглашение, то радости ее не будет конца.

Иван Иванович пригласил Машутку.

Через две недели опять ожила его комната. На окнах появились занавески, на полу — ковер, на стене — разные картины. Машутке было восемнадцать лет. Она была красива, стройна, весела. Эх, недооценивал Иван Иванович свою родню! Как смеялась Машутка! Как щебетала, когда дядя бывал дома! Сколько историй узнавала она от соседей, от подруг, от товарищей — и как это все быстро завелось у нее! Она оборудовала дяде новый письменный стол. Свой диванчик, на котором она спала, перебила заново, окружила его ширмочкой. Над диванчиком уже висели все парашютистки, подряд без исключений. Когда дядя возвращался, его ждал ужин на свежей салфетке и накрытый такой же свежей салфеткой. Около телефона лежали лист бумаги и карандаш, и на бумаге милым кривым почерком было точно выписано, кто звонил Иван Ивановичу, по какому делу.

Иван Иванович был счастлив. Когда он возвращался домой, он даже не торопился поднимать глаза на свои окна. Он твердо знал, что беленькие занавески будут освещены либо розовым, либо голубым светом. И он приносил прекрасной племяннице шоколад, пирожные, а иногда даже намеренно возвращался поздно, когда племянница спала, что-

бы тихонько положить ей пирожное на стул, за ширмочку, около дивана. Но она просыпалась и одаряла дядю милой благодарной улыбкой. Он умилялся и, растроганный, уходил в свой угол.

Жизнь шла незаметно. Машутка кончала курсы по подготовке в вуз. Она хотела работать, но дядя не позволял ей. Ну, какой смысл зря утомляться: учись и все. Он покупал ей платья. Она ни в чем не нуждалась. Он не стеснял ее. Очень часто она уходила, по вечерам к ней приходили товарищи, и дядя из деликатности опаздывал. На листе бумаги около телефона появилось много новых номеров. Номер такой-то и рядом — «Леонид», номер такой-то и — «Слава», номер такой-то и — «Сева». А главные интересы были все же вокруг одного: парашютизма. Это был пункт серьезных разногласий. Дядя был против. Но тут он влияния не имел. Машутка поступила в школу и имела уже много прыжков: на груди у нее давно уже синел продолговатый, конусообразный почетный значок.

Иван Иванович страдал: было задето и самолюбие, с ним не считались, а главное — ведь это опасно. Но кончилось это неожиданно: Машутка прибежала домой счастливая и сообщила, что ее премировали комнатой. «Вот будет жизнь!» — воскликнула она, обнимая дядю.

Теперь единственные дни, когда Иван Иванович видел своего племянника и племянницу, были выходные. Иногда они приезжали к нему, и он слушал буйные рассказы об их успехах и трудностях. Иногда он устраивал вечеринки, и комната его доотказа наполнялась весельем и смехом. Но на утро опять наступало одиночество. Из Ярославской области больше приглашать было некого...

Но вдруг — тоже совершенно незаметно — увеличилась его собственная занятость: выяснились безобразия. Вдруг стало неприятно, что Иван Иванович не знает ни французского, ни английского языка!.. Бывало мучительно неловко, когда к нему приходили племянник с племянницей. Затем выяснилось, что он мало смыслит в технике... Машутка ему рассказала подробную историю о новой машине, а он задавал нелепые вопросы. Вообще, он мало чего знает. Машутка ему сказала с полной откровенностью, что чем ходить по ресторанчикам, он бы лучше по вечерам занимался. Она может ему дать учителя, очень хорошего, прекрасного парня. Кстати, у этого парня нет комнаты, ему негде жить, и если дядя не возражает, он может ночевать у него, на том диванчике, на котором недавно спала она... А парень знающий, вообще прекрасный парень.

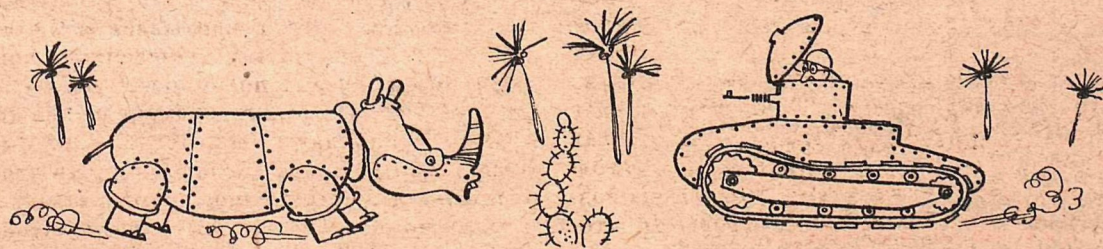
И Иван Иванович, кончая занятия в учреждении и выполняя всевозможные нагрузки, спешит домой. Если это вечер, то окна часто бывают неосвещенными.

Но теперь он рад этому. Он рад! У него останется час — два свободными, чтобы подготовиться к приходу Сергея, этого самого друга Машутки и его учителя. Этот Сергей шуток не понимает. Он требует хорошего усвоения того, о чем он ему сообщил накануне. Он не считается ни с возрастом Ивана Ивановича, ни с тем, что он ночует у Ивана Ивановича и в некотором роде ему обязан. В случае, если Иван Иванович мямлит и не знает уроков, он хмурится и говорит с настоящим огорчением, обиженный, с оттопыренной нижней губой:

— Ну, это ни на что не похоже. Ну, это, знаете, никуда не годится. Ну, это совершенно ни к чему.

И Иван Иванович боится, не на шутку боится этих разговоров. Он усиленно готовит уроки. Усиленно...

ЕФИМ ЗОЗУЛЯ

ПРАКТИЧЕСКОЕ УДОБСТВО

Рис. К. Ротова

К. Р. 36.

Еще несколько дней и в некоторых газетах пышно зацветут многообразные лозунги: «Посадим дачника на грузовик», «Доведем керосин до домработницы», «Руки прочь от подводки и пустого ларька». И оптимисту, снявшему в трезове будничной суеты пригородную дачу, уже начинает казаться, что стоит ему нажать невидимую миру кнопку и к его услугам явится могучий грузовик за персональными абажурами и корытами, а в дачной тиши уже солнечно и буйно возникли керосиновые базы и ларьки с асортиментом от ваксы до кекса включительно. Мы скептики с боль-

шим стажем. Поэтому мы заранее рекомендуем, минуя обещания дачного треста и других, способствующих дачному горю организаций, создать для переезда на дачу монолитный конвейер из заинтересованных трудящихся, который и изображен художником К. Ротомым на рисунке. Разглядев его внимательным и слегка испуганным взором, читатель сразу поймет, как без больших затруднений и риска легче всего, дешевле и быстрее переехать самому и спокойно перевести свой инвентарь на пригородную дачу.

ЛЮБОВЬ С ПЕЧАТЬЮ

Нет таких средств, какими можно проверить искренность чувств влюбленного человека. Здесь ни свидетельские показания, ни справки из домоуправления или с места службы не могут служить неопровержимым документом. Поэтому нечего удивляться, что в эту область некоторые инициативные люди вносят кое-что новое. Так например председатель колхоза «Новое Калинино», Молодотуцкого района, Калининской области, решил, что настоящие, чутко составленные объяснение в любви и вызов на свидание могут иметь реальное значение только в том случае, если они снабжены колхозной печатью. Вот записка этого пылкого и инициативного человека:

Доброй день здравствуй Тоня пишу я вам записку отовсей души
но если невериш то обращайтесь внимание на печать Тоня хотелос
придти квам но нет времени Тоня низвини зато что я ни при
шол Тоня целую вас довоенным поделуем Тоня получиш мою за
писку дай ответ досвидания целую вас несколько раз

«Доброй день здравствуй Тоня пишу я вам записку отовсей души но если невериш то обращайтесь внимание на печать Тоня хотелос придти квам но нет времени Тоня низвини зато что я ни пришол Тоня целую вас довоенным поделуем Тоня получиш мою записку дай ответ досвидания целую вас несколько раз».

УПРЯМЫЙ ГОРОД

Не всегда массовое положительное явление служит причиной искрометной радости организованного трудящегося.

Мастер дерна и лопаты, устькаменогорский кладбищенский сторож товарищ Юденко, перестал получать от горсовета зарплату.

Работал товарищ Юденко по принципу полного хозрасчета, не без тенденции к учету некоторой даже прибыльности его производства. И горсовет выплачивал Юденко довольно аккуратно, когда спрос на могилы был вполне нормальным.

Но с некоторого времени в Устькаменогорске покойник сделался остро дефицитным товаром. Люди стали меньше умирать, и это поколебало горсоветскую смету по кладбищенскому разделу.

Зажатый в тиски финансового кризиса, Юденко пошел к председателю горсовета тов. Захаренко и грустно сказал:

— Жить же нельзя, товарищ председатель: никто не умирает! Я семнадцать могил впрок приготовил — стоят пустые. Прямо хоть плачь. А вы зарплату задерживаете.

И тогда тов. Захаренко, полный внимания к живому человеку, успокоил его дружеской, ласковой фразой:

— Подожди, дорогуша. Нет денег, честное слово. Не сегодня — завтра кто-нибудь помрет, тогда и заплатим.

Ждали-ждали, никто не умирает. Тогда, окончательно разочаровавшийся в недалголетии своих земляков, мастер лопаты Юденко пошел к прокурору и подал жалобу. Отсутствие смертности в городе — по решению прокурора — не явилось уважительной причиной для задержки зарплаты, и таковая была взыскана в пользу Юденко. Теперь временно вышедший из тисков финансового кризиса Юденко, наверное, косо поглядывает на заготовленные впрок семнадцать могил и виновато объясняет своим друзьям и знакомым:

— Затоварился!

ЗАКРЕПЛЕННЫЙ СОН

Может ли организованный трудящийся пойти и в порядке самостоятельности да еще, может быть, развязным тоном потребовать спальную сетку для обтяжки кровати рамы? Не нужна ли она ему просто для украшения жизни или для каких-нибудь безумных излишеств? И не есть ли вообще что-нибудь преступно скрытое в желании организованного жильца жакта обтянуть кроватьную раму?

Во избежание подозрений в таком сложном и трудном деле управляющий дома № 16 по Канкринской улице, в Ростове на Дону, выдал гражданке Ф. следующую справку:

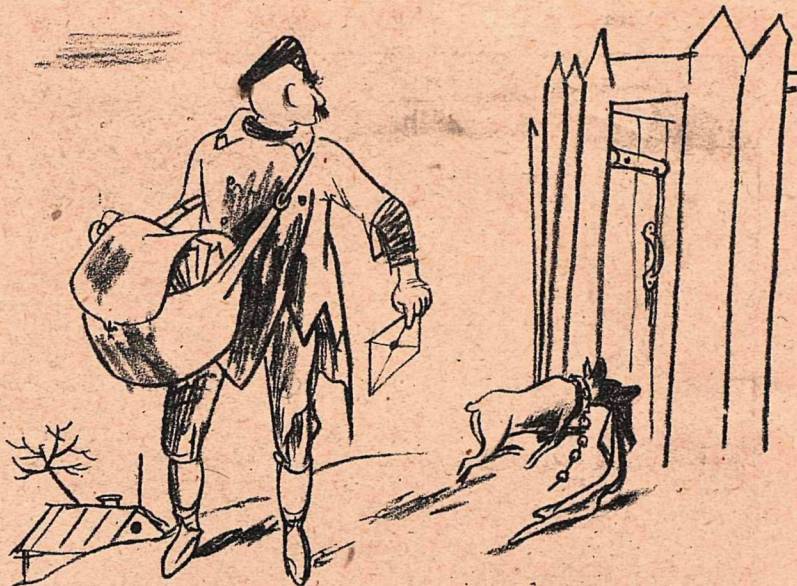
«СПРАВКА.

Настоящая дана гражданке Ф. в том, что она действительно проживает по Канкринской улице в доме № 16 и спит каждую ночь в кровати, а потому нуждается в сетке для обтяжки кроватиной рамы».

Спрашивается, если бы гражданке Ф. или кому-либо из ее друзей и родственников понадобился чайный стакан, не потребовалась ли бы справка от управдома о том, что означенное лицо действительно пьет воду и другие жидкие напитки на территории вверенного ему дома?

ГРУСТНОЕ ПРЕДПОЛОЖЕНИЕ

Рис. Л. Сойфертиса

ПОЧТАЛЬОН: — Хорошо, что этот гражданин только раз в месяц письма получает. А если вдруг на газету подпишется?!

СЫНОВЬЯ

Три старушки встречались каждый день в молочной, в булочной, в зеленой.

Одна из них, самая молодая, носила черную бархатную шапочку, другая — вязаный берет, а третья — темный клетчатый платок. Однажды они разговорились.

Старушка в бархатной шапочке сказала:

— Моего сына вся страна слушает.

— А мой выше всех на свете побывал, — сказала старушка в вязаном берете. — А коли захочет, так и опять будет.

Тогда третья старушка с уважением посмотрела на первых двух и вздохнула:

— А у меня сын — сапожник.

В это время над их головами зашипело радио и простуженный баритон произнес: «Слушайте, говорит Москва».

— Опять хрипит, — огорчилась старушка в бархатной шапочке.

— Оно и всегда так-то: хрипит, сипит, — махнула рукой старушка в вязаном берете.

— Кто это — «оно»? Разве я про радио? — обиделась самая молодая. — Я про сына своего, про Борю. Опять, говорю, простудился.

В это время баритон, не сдержавшись, чихнул.

— Ничего себе, — усмехнулся проходивший мимо мужчина, — в Москве чихнул, а небось, в Иркутске слышать.

— Будто и чихнуть нельзя, — обиделась старушка.

«Слушайте последние новости, — продолжал баритон. — Сегодня, в 13 часов 20 минут, известный летчик Иванов...»

— Про моего, — умиленно прошептала старушка в вязаном берете. — Небось, опять выше всех залетел.

«...вылетает в Сочи, — вещал простуженный баритон, — увозя на борту своего самолета премированного путевкой в санаторий орденосца-стахановца обувной фабрики товарища Пирогова...»

— Ванюшку, — расплылась в счастливой улыбке старушка в темном платке. — Ваш-то, — она обернулась к старушке в бархатной шапочке, — говорит по радио, что ваш, — она кивнула старушке в вязаном берете, — моего сынка нынче в Сочи везет. Только бы поакратнее доставил!

— А как же вы сказали, что он у вас сапожник? — напустилась на нее самая молодая. — А он, оказывается, и орденосец и стахановец!

— Ну-к что же, — снова радостно улыбнулась старушка в темном платке. — Сапожник и есть!

В. КАРБОВСКАЯ

Рис. Ю. Ганфа

Свои ворота некоторым вратарям кажутся такими...

Ворота противника — такими...

А защищать ворота им хотелось бы с этой стороны.

ПСИХОЛОГ

Известный писатель Семен Дукетов, признанный мастер психологической новеллы, и молодой инженер Коля Калинин шли по прямой розовой от закатного солнца улице заводского поселка и разговаривали.

Больше говорил толстый лысеющий франтоватый Дукетов, а инженер слушал, изредка вставляя односложные замечания.

— Не скрою, что ваш завод произвел на меня огромное впечатление, — говорил Дукетов. — Замечательный завод! Величественная симфония индустрии. Но, понимаете, дорогой, нас, писателей, все же интересует другое: нас интересует человек. Его мысли, чувства, переживания. Его психологические конфликты и противоречия, его интимные радости и слезы, его драмы, наконец!

— С драмами у нас плоховато, — улыбнулся инженер, — не вздыхайте, Семен Аркадьевич. Сталь есть, а драм нету.

Писатель, прищурившись, иронически посмотрел на румяные, тронутые загаром щеки Коли Калинина.

— Позвольте мне, мой молодой друг, остаться при особом мнении. Но оговариваюсь: я рассуждаю сейчас, как бытописатель интеллигенции, вернее, старой интеллигенции. Я уверен, что и на вашем прекрасном новом заводе живут мои старые милые герои и мои старые, но вечно юные темы: любовь, ревность, роковой треугольник из мужа, жены и любовника, вечная тайна рождения и смерти. Но все это нужно брать в каком-то новом аспекте!..

Так разговаривая, они завернули за угол и увидели, что вдали навстречу им идет женщина. На ней был элегантный синий, строгий костюм. Она была очень красива: высокая, стройная, с отличной фигурой.

— Кто это? — вполголоса спросил инженера Дукетов. — Я уже обратил на нее внимание третьего дня в клубе. Очень интересная женщина. И одета со вкусом. Но почему у нее такое озабоченное, я бы даже сказал, грустное лицо? Гм!.. Хотите пари, юноша: эта женщина идет на свидание!

— Это Елена Ивановна Сгибова, — сказал Коля Калинин, — она жена Петра Николаевича Сгибова, начальника маргеновского цеха. Почему вы думаете, что она идет на свидание?

— Походка выдает. Женщины идут на свидание, как лисы на водопой: мелкими, осторожными шажками. Интуиция меня еще на раз не обманула, мой юный друг. Хотите, чорт возьми, я набросаю вам ее психологический портрет. По одним только внешним признакам: вот эти чуть опущенные безвольные плечи, озабоченное лицо, быстрая, взволнованная походка. Слушайте, вот вам новелла в десять строк. У нее муж — почтенный человек, уважаемый на производстве. Но, увы, она его не любит. Она любит другого — какого-нибудь молодого забулдыгу, танцора и гуляку. Но мужа не бросает. Из жалости. Отсюда конфликт, тоска, терзания. Сейчас она придет к своему любовнику и будет униженно умолять его бросить ее, а потом... останется у него в комнате. «Любовник знает, она послушная, смеется и плачет, опять придет». О, эти славянские женщины, как я вас мучительно понимаю.

— Хотите, я вас познакомлю с Еленой Ивановной, — неожиданно сказал Коля Калинин, — сейчас остановим ее и прямо, в упор спросим, куда она идет. Я ее знаю хорошо,

ручаюсь вам, что она ответит правду, а если и соврет, мы с вами поймем, лжет она или нет.

Прежде чем писатель успел ответить, Коля Калинин окликнул молодую женщину. Та остановилась. На мужчину пахло запахом духов.

— Разрешите вас познакомить, Елена Ивановна. Это писатель, Семен Аркадьевич Дукетов, наш гость.

Елена Ивановна протянула Дукетову узкую руку в тугую лайковую перчатку и сказала низким контральто:

— Очень приятно, я вас много читала.

— Елена Ивановна, — сказал Коля Калинин, — тут вот Семен Аркадьевич интуитивно набросал ваш психологический портрет. Теперь ему хочется проверить свою интуицию. Мы вас очень просим ответить на нашу небольшую анкетку. Позвольте Семену Аркадьевичу задать вам несколько вопросов.

— Пожалуйста, — растерянно улыбнулась Елена Ивановна, — но я, право, не знаю, чем я могла привлечь ваше внимание. Я самая обыкновенная домашняя хозяйка, мужнина жена. Ну что же, задавайте ваши вопросы.

— Куда вы идете? — строго спросил Дукетов, глядя прямо в зеленые длинные глаза Елены Ивановны. — На свидание, не так ли?

— Если хотите, да, на свидание.

— Так, так. Старик Дукетов, оказывается, еще не научился читать в женских сердцах. Итак, вы идете на свидание, о котором, простите меня за нескромность, ваш муж не знает?

— Не знает. Он спит.

— Свидание вам предстоит трудное, не так ли? Вам придется долго о чем-то умолять того человека, к которому вы идете?

— Вы прямо какой-то ясновидец, — засмеялась Елена Ивановна, — действительно, придется умолять. У него ужасный характер.

— Но он не согласится и отвергнет вашу мольбу, похожую на мольбу о пощаде?!

— Вот это уж дудки! — решительно сказала Елена Ивановна. — Хотела бы я видеть, как Александр Александрович, этот ужасный скупердяй, посмеет отвергнуть мою мольбу и не даст нам досок для общезаводского свинарника. Кстати, Коля, вы слышали, что владимировцы обставили нас по трем пунктам нашего договора. Если мы со свинарником не вылезем, толстая Данилиха меня окончательно засмеет!

— Елена Ивановна — у нас знаменитость, — смеясь одними глазами, сказал Коля Калинин растерянному Дукетову, — она первая подписала договор на соревнование с женами инженеров Владимирского завода. Подвела вас интуиция, Семен Аркадьевич.

Когда Елена Ивановна скрылась за поворотом, Дукетов сказал, патетически воздев руки к небу:

— Господи! Ты видишь! Свидание по поводу свинарника! Гомером нужно быть, чтобы вас описывать. Что вы зубы скалите, юноша?

— Я представил вас в древнегреческом хитоне, Семен Аркадьевич, — фыркнув по-мальчишески, ответил Коля Калинин.

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

В соседней комнате был накрыт стол. Из полуоткрытой двери погореловского кабинета была видна только часть стола с большим холодным гусем на блюде и пестрым винегретом в высокой хрустальной вазе.

Толстый инженер Бызин, грузно сидевший в английском кожаном кресле, воровато поглядывал одним глазом на гуся и мечтал о лапе, покрытой толстой кожей: он сегодня не обедал.

Поэт Вася, примостившись около окна, рядом с Нюточкой, думал о том, как он пойдет провожать ее домой, и робко пытался прикоснуться щекой к ее волосам, пахнущим нежным и ласковым запахом скромных духов.

Остальные гости разместились на диване и по сторонам с той тихой и деликатной покорностью, с какой дожидаются в подезде, пока пройдет дождь.

Погорелов вынул из стола прошитую черными нитками рукопись, сизловато откашлялся и, потерев рыженькую бородку, заранее обиженно спросил:

— Может, не стоит читать, а?

— Читайте, читайте, — деревянным тоном ободрил толстый инженер.

— Читай, Аким Петрович, — грустно уронил тихий старичок с дивана, все время шевеливший губами. — Читайте.

Погорелов начал читать. Поэт Вася успел уже подобраться к нюточкой руке и убедиться, что у нее нежнейший мизинец в мире. Толстый инженер еще раз обежал холодного гуся алчным взглядом и успокоил себя, что ужин все-таки будет. Тихий старичок на диване закрыл глаза и активнее зажевал губами.

Погореловская повесть зареяла в воздухе.

— «Свежевали барана, — гудел авторский несдержанный баритон. — Сначала выпустили кишки. Были они холодные, скользкие и пахли советско-швейцарским сыром. И навстречу утреннему солнцу выглянули из распоротого живота остальные многоцветные бараньи внутренности».

Толстый инженер испуганно посмотрел на холодного гуся и пестрый винегрет, и его слегка замутило. Он нервно ткнул дверь ногой и, когда она закрылась, подумал: «Кажется, ничего не ел, а тошнит... С чего бы это?..»

Погорелов перевернул страницу.

— «Крепкая как обгорелый кирпич Авдотья приблизилась к Пятаку. В ней торжествовало женское. От нее пахло потом степных кобылиц, в волосах гордо гнездились репы и соломинки, а угреватая кожа на лице напоминала седло кочевника. Пальцы были в кизяке и торфе...»

Поэт Вася быстро отодвинулся от Нюточки, заметив, что у нее большие уши, ноздреватая кожа на шее, ему стало жалко себя, и домой он решил идти один.

— «Строили дом, — читал через страницу Погорелов. — Сначала привезли доски. Доски были двухдюймовые и трехдюймовые. Потом привезли гвозди. Гвозди были короткие и длинные. Зычными шагами загуляли плотники. Некоторые были с пилами, некоторые — без пил. Некоторые пилили, а некоторые строгали. Утром они вставали, а вечером ложились спать...»

— Ваш ход, — бойким голосом сказал тихий старичок на диване, внезапно проснувшись, сконфуженно умолк, но потом деликатно спросил: — А он что?

— Кто что? — сердито посмотрел на него Погорелов. — Герой?

— Герой, — согласился старичок.

— Я, знаете, враг этих самых фабул и сюжетов, — сухо заметил Погорелов. — Надо брать жизнь как таковую. В дальнейшем герой крепнет, покупает гармошку, и на этом я обрываю первую часть. Во второй он, по моему замыслу, гонит смолу и покупает патефон.

Наступило скорбное молчание.

— Предлагаю поужинать, — горько и враждебно предложил хозяин.

Гости робко поднимались с мест.

Толстый инженер вспомнил о цветных бараньих внутренностях и вздохнул.

Рис. А. Радакова

— Почему вы эту певицу нарисовали с одним глазом?

— Мало ли что с одним! Зато он вдвое больше обыкновенного.

— Не хочется, Аким Петрович. Спать надо с легким желудком...

— А вы, Нюточка? Вася вас проводит потом...

Поэт Вася вспомнил об Авдотье, которая пахла степными кобылицами, уныло констатировал, что Нюточка тоже женщина, виновато посмотрел на нее и уклончиво сказал:

— Не по пути нам, Аким Петрович... До трамвая, конечно, другое дело...

Тихий старичок посмотрел на развернутую рукопись и подумал: «А вдруг после ужина еще дочитывать будет?.. Может, у него эту самую гармошку на тридцати страницах покупают...» — и быстро засеменял к выходу.

Когда гости разошлись, Погорелов разделся и подошел к этажерке, на которой лежал только что полученный толстый журнал. Он кисло перелистал неразрезанные страницы, зевнул, бросил журнал на кучу газет, пылившихся в углу, и, влезая под одеяло, прошептал обиженным, сердитым шопотом:

— Тоска... И зачем только печатают всю эту муру? Даже почитать нечего...

Акм. БУХОВ

РОКОВАЯ ПТИЦА

Как известно, у птиц нет зубов. И язык им придерживать незачем. Это обстоятельство может привести к очень печальным последствиям в условиях фашистского режима.

Поэтому нечему удивляться, что в одной из эссенских газет наднях появилось такое объявление:

„Улетел попугай. Всякому, кто его возвратит, будет вручено хорошее вознаграждение.“

Примечание: политические взгляды попугая не являются моими!

Возвращен ли попугай владельцу, мы не осведомлены, но думаем, что вряд ли. Боимся, что если болтливая птица вслух повторяла все, что она слышала во время своего пребывания вне дома, ее хозяину придется отправить ей очередной корм в один из ближайших концлагерей.

ПРЕВЫШЕНИЕ ВЛАСТИ

У дверей пошивочной мастерской стоял газовский легковой фورد мышастой окраски, а внутри мастерской весь руководящий персонал, строго соблюдая иерархию, ходил вслед за человеком среднего роста, у которого щеки были видны со спины. Это означало редкое событие: посещение председателем швейтреста одного из вверенных ему пунктов.

— Ну, тут у нас, товарищ Штыкунов, закройная... — объяснял заведующий мастерской.

И точно, на четырех столах с громкой одышкой скрипели в опытных руках тяжелые портновские ножницы.

— Ну-с, тут, значит, работают брючники, а направо — пиджачники, — продолжал объяснять заведующий.

Председатель равнодушно глядел на широкие плоскости столов, на которых сидело множество портных, либо свесивши ноги и по-детски не доставая ими до полу, либо совсем взобравшись на стол и по-восточному скрестив их. Над головами у портных двели в зеленых жестяных абажурах электрические лампы, спущенные как кому удобно. И вообще смахивало на то, что портные заняты детскими играми, так как, кроме поз, ребячьими казались манера зубами часто перекусывать нитки, и быстрые движения самого процесса шитья, и беспрестанное встряхивание сшиваемых предметов.

Затем председатель со всей свитой проследовал в приемную комнату. В примерочных кабинках колыхались занавески, и оттуда выходили мастера с булавками, торчащими из рта, высоко неся на плечиках полуготовое платье, исчерченное мелом. Один из закройщиков снимал мерку с послушного клиента и лениво, как вахтенный матрос, кричал девице, пишущей ордера:

— 71... 43... 92... Манжеты на брюках будем делать?..

Словом, картина развевалась обыкновенная, и председатель треста собрался было снисходительно кивнуть головой, как вдруг внимание его привлекла вертушка, стоящая у окна. На вертушке этой укреплены были стеклянные витрины, а в них картинки модных журналов радовали глаз изображениями безукоризненных джентльменов и дам.

Увидев вертушку, председатель треста громко открыл рот.

— А это что такое, а?

Заведующий мастерской самодовольно улыбнулся и ответил:

— Вот... Улучшаем обслуживание. Для удобства клиентов. Подходят и выбирают фасоны.

— Да, но кто это придумал?

— Персонально я с персонально Иваном Степановичем.

Председатель треста ехидно сощурился и процедил:

— А известно ли вам, товарищ Бавыкин, что мы у себя, в тресте, намерены предложить нашим предприятиям известись такими вот витринами?

— Тем более приятно, что, так сказать, сумел угадать, так сказать, что трест, так сказать... — красиво начал заведующий мастерской, но председатель перебил его:

— Нет, это не тем более! Не тем более, а тем менее! У нас, если хотите знать, циркуляр об этой вертушке только разрабатывается. А у вас она — вон! — тут председатель рванул одну из витрин, и вертушка с жалобным воем, раскачиваясь на ходу и делая приятный ветерок, быстро закружилась перед его разъяренным лицом.

Заведующий мастерской деликатно остановил движение витрин и, укоризненно покачав головой вертушке, заметил:

— Да. Вижу, необходимо ее смазать.

— Не смазать! — заорал вдруг председатель. — Не смазать, а разобрать! На щепки, на дрова! Не позволю! Мы не позволим! Это знаете, что такое?!

— Что? — качнувшись, спросил заведующий, а заместители его и коллаборанты сомкнутым строем отступили на три шага в виду начальственной грозы.

— Это безобразие, вот это что! Подмена руководства, да! Об этом мы еще поговорим у нас на правлении! Он, значит, будет улучшать обслуживание, а мы отстаем!

— Позвольте, товарищ Штыкунов, разве мы?..

— Да, да, да! — бушевал председатель, и все в тревоге внимало ему.

— Мы и в объединении поставим вопрос! Мы у себя превышения власти не потерпим!

Заведующему уже хотелось закричать «не погубите», — может быть, стать на колени, но он собрал остаток мужества и с чувством вымолвил:

— Удобство же, товарищ Штыкунов... Для публики...

— Об удобстве публики мы с вами поговорим у меня завтра! Пока!

И председатель с юношеской торопливостью выбежал на улицу, не открыл, а почти оторвал дверцу мышастого форта и сердито крикнул шоферу:

— Обратно, в трест...

Фордик затарахтел и затрещал, будто сочувствуя негоднованию своего председателя.

Заведующий же мастерской горестно глядел на вертушку и вслух разговаривал с собой:

— Посетители довольны, и картинки довольны, а вот поди ж ты — «превышение власти»... «подрыв авторитета»...

Из уважения к переживаниям заведующего вся мастерская возвращалась к жизни очень медленно и, по возможности, беззвучно. На цыпочках выходили из кабинок мастера. Указательным пальцем и бровями звал к себе уборщицу кассир. И снимавший мерку закройщик шопотом сообщал приемыше очередную диффу.

— Не слышу! — шопотом же отозвалась она.

Закройщик прильнул к ее уху и прошептал опять:

— Семь-де-сят два. Жилет — отметьте — двубортный...

В. АРДОВ

Рис. Л. Бродаты

НЕ ТРОНЬ ЕГО

НА СУШЕ И НА МОРЕ

СНИМОК БЕЗ КОММЕНТАРИЕВ

Президиум правления ньюйоркского «Национального клуба бородачей» спешно подклеивает перед годичным банкетом усы и бороды, не доведенные до стандартного требуемого уставом клуба размера. Снимок сделан специальным фотографом английского фотоагентства «Wide World Photos». Помещаем его без всяких комментариев, а просто в порядке удивления перед достижениями на фронте патриотического выращивания усов и бороды в деловых кругах американской буржуазии.

СРЕДИ БОЙЦОВ ПРЕМИАЛЬНОГО ФРОНТА

Тов. В. Антель, член Одесского горпарткома, — рекордсмен и неутомимый пловец в бурном море премирования. Войкий и неуемный, тов. Антель ухитрился за 4 года получить сто премий, среди которых: велосипедов — 3, именных часов — 4, фотоаппаратов — 3, гармоний — 5, патефонов — число неизвестно, путевок на курорты — 3, а кроме этого кожаные костюмы, пальто, овцы, телята, а также другие дары природы и ширпотреба. Отмечаем этот факт как показатель дружной работы товаропроводящей сети и буйно премирующих организаций, сумевших так блестяще на территории Одесского района обслужить эстетические и бытовые потребности тов. Антеля.

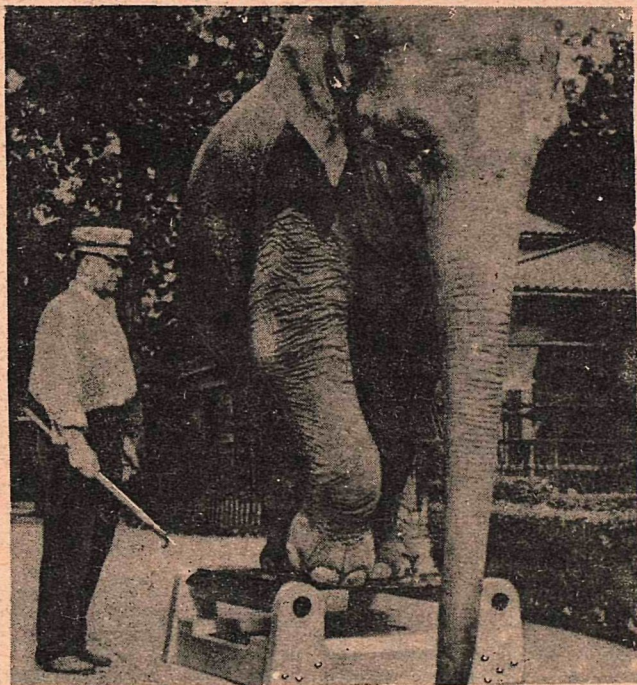
На снимке: стократно премированный тов. Антель со своей уже трижды премированной супругой.

ВСЕГО ПОМНОГУ

Массовое изготовление символов мира — пальмовых ветвей в Риме. Это хорошо налаженное производство не мешает другой части населения в не менее спешном порядке изготавливать снаряды для посылки в Абиссинию. Отмечаем это как редкий случай гармонии в капиталистическом производстве.

В ПОРЯДКЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

К сведению нашей стекольной промышленности. Как в Америке (г. Толедо, штат Огайо) испытывается прочность изготовленного стекла. Слон в самой естественной позе становится на кусок стекла и, вполне удовлетворенный, что оно не поломалось, уходит. Учитывая, что наша фауна не изобилует слонами, мы не настаиваем на срочной выписке этих импортных, дорогостоящих животных. Нам только хотелось бы указать, что в порядке рационализации и улучшения стекольной продукции слоны могут быть заменены более внимательным отношением к потребителю, уже давно требующему крепкое, прозрачное и не бьющееся без достаточных к тому поводов стекло.

О Н О З А К Р Ы Т О

В ТЕАТРЕ

В перерыве между репетициями актеры собрались в группу и стали вспоминать смешные случаи из своей театральной практики.

— В гражданскую войну, — рассказывал быстроглазый худощавый комик, — служил я в агитгруппе. Ну, раз играли в деревне, в бывшем поповском доме, где был сельсовет. Сцена — с блюдечко, и освещение — лампа «молния» — болтается перед рампой. А играли какую-то пьесу из времен французской революции; аристократы изображались в белых париках. Ну, играем, вдруг смотрю: прямо у меня на глазах у партнерши парик из белого делается серым и даже чернеет. Что за притча? А суфлер (он у нас сбоку сидел, за занавесом) в это время мне подает: «Прикрутите!» Я текст приблизительно знаю: никакого «прикрутите» там нет. Говорю, как помню. А суфлер вместо реплики партнерши опять бормочет: «Прикрутите!» Что за чорт?! Оглядываюсь на него: он тычет пальцем вверх. Посмотрел: чортова лампа коптит как проклятая. Ну, конечно, сделал я светское лицо и этак, в образе, говорю партнерше: «Маркиза, вы разрешите убавить свет?» Она: «Пожа-пожа». Прикрутил, действительно, перестала коптеть.

Все посмеялись, и потом заговорил простачок:

— У меня был такой случай. Играли водевиль для работников какого-то учреждения. Сейчас же после конца ихней работы. Большой такой зал, а в конце отделен кабинет для заведующего. На кабинете надпись «Без доклада не входить» — все честь-честью... Для нас в кабинете сделали уборную, переоделись, гримировались... Сам заведующий так любезно ввел нас и пошел смотреть спектакль. Вот я кончил свою сцену и убегаю поскорее переодеться в этот кабинет (мне выходить через 2 минуты). Хватаюсь за ручку двери, а кто-то меня отстраняет. Я смотрю: старичок-курьер. То его не было, а тут пришел. «Вам к кому?» — говорит. Я говорю: «Пустите, мне раздеваться». «Раздеваться, — говорит старичок, — пожалуйста в швейцарскую, здесь сидит начальник планового сектора». «Какой начальник?! Он давно нас смотрит! Пустите, я на выход опоздаю!!» «Без доклада не могу-с». И что вы думаете? Пришлось вызывать из зрительного зала заведующего. Я опоздал на выход, еле замазали паузу.

Когда отсмеялись, начала говорить пожилая героиня:

— Прошлым летом я с мужем играла в курортной труппе в Ялте. Часто приходилось выступать в столовых при домах отдыха. Сдвинут столов 20—25, и получается сцена. По ходу пьесы, нам нужна была еда во втором акте. Ну, попросили администрацию столовой что-нибудь положить на тарелки. Обычно дают хлеб и сыр. Вместо вина — чай. А тут поварам так понравился наш спектакль, что они навалили от себя настоящей закуски пять-шесть сортов: колбаса, икра, салаты, рыба... А с нами играл Паша Виноцин.

— Это обжора-то? — сказал еще кто-то из актеров.

— Вот-вот. Он так навалился на еду — все реплики пропустил. Потом еще поперхнулся, негодяй.

— Это что! — начал снова быстроглазый комик. — Мы вот раз выступали просто в цеху. На каком-то парфюмерном заводе. В обеденный перерыв. Я тогда работал в живой газете. Ну, пришли, машины все стоят: перерыв. Разложили гримы, бутафорию, переоделись, пошли играть. Отыграли. То, се... пока вызывали, пока мы кланялись, потом нас обступили работницы, разговорились, вдруг гудок: начало работ. Стали собираться. Зинка Грохольская, наша актриса, обнаруживает: у нее пропал грим. Туда, сюда — нет грима. И нам неприятно, и рабочие волнуются: неужели украли?.. И вот бегут к нам откуда-то с верхнего этажа, тащат зинкин грим: «Не ваша вещичка?» «Наша! Откуда она у вас?» «Да по конвейеру пришла». Значит, Зинка, когда пришла, поставила коробку на конвейер — благо он стоял во время перерыва, — потом пустили конвейер, грим и уехал.

Ну, в цеху такая накладка — вещь возможная. А вот Мишка умудрился напутать в частной квартире. Мишу пригласили выступить на квартире стахановца. Где-то в новых домах, на Усачевке. Дали адрес. Мишка торопился на другой концерт. Нашел дом, вошел в подъезд. Темновато. Миш-

ка слышит где-то шум, на рояле играют. Постучал. Открывают веселые, нарядные люди. «Здравствуйте, заходите!» «Здравствуйте, только я бы хотел прочитать вам сейчас». «А вы артист?» «Да!» «Пожалуйста, очень обяжете!.. Товарищи! Товарищ артист хочет нам читать!» Принимали замечательно. Да, Миша? Ну, не отворачивайся, ничего. Биссировал наш Мишенька четыре раза. Упоенный, выходит на улицу. Там кто-то ходит, увидал Мишу — к нему: «Вы, товарищ, артист?» Миша растерянно говорит: «Да...» «Что ж вы так опаздываете, мы вас ждем на квартире у стахановца Кириллова». «Как у стахановца?! Да я ж уже выступал!» «Где?» «Здесь, на третьем этаже». «А Кириллов живет на пятом...» Пошел наш Мишунчик читать второй раз!

А потом заговорил актер второго положения.

— Нынешний год в Октябрьские дни мы выступали на грузовике на улице. И у Славки Текснера, когда он влезал на платформу грузовика играть свою роль, у него штаны лопнули. Он белого офицера играл. Как занес ногу на колесо, так и лопнули...

— Что ваш грузовик! — перебила комическая старуха. — Вот мы играли в агитвагоне, на железной дороге. В середине пьесы вдруг поезд тронулся, а зрители-то все местные. Вот смех-то! Как все кинутся к дверям... Потом уже выяснили, что это маневренный паровоз прицепили — перевести на другой путь...

— А мы прямо в поле играли, — заявила хорошенькая актриса с родинкой на щеке, — приехали в колхозную бригаду в поле, там и играли. Вместо ramпы костер развели и играли при костре. И очень все было хорошо, только мошки какие-то летали. Столько мошек, что рта раскрыть нельзя: так и лезут в рот. У меня был большой монолог, так я просто наелась этих мошек...

— Вот еще с Кусавиным был случай, с нашим помрежем, — сказал белокурый простачок, — он вел спектакль на военном корабле, в Балтфлоте. Прямо на палубе и освещались прожекторами. Там у него был выстрел, он и привык этот выстрел делать ногой: топнет по полу изо всех сил — вот тебе и выстрел. Ну, и тут топнул. А на корабле-то пол стальной. Во-первых, никакого выстрела, а, во-вторых, ногу ушиб так, что полчаса шипел, аж в публике слышно было...

В это время раздался звонок, возмущающий возобновление репетиции, и все стали торопиться на сцену, обдергивая платья и бросая папиросы. Только комическая старуха успела сказать:

— А все-таки, граждане, где-где мы с вами ни были! Разве прежде это могло бы быть?!

— Это да! — подхватили актеры и побежали на сцену.

Иван Дитя

СТИХОМ ПО ЧЕСОТКЕ

До сих пор еще никто при борьбе с наклонными заболеваниями не выдвигал поэзию в качестве исцеляющего средства. Этот пробел в медицине умело заполнил врач Орджоникидзевского района (Северная Осетия) тов. В. Настюков, который в местной газете поместил следующие смелые, ответственные и не лишние эффекта строки о борьбе с чесоткой, так и назвав свой опус:

«ЛИКВИДАЦИЯ ЧЕСОТКЕ»

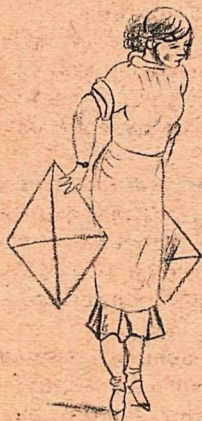
«Чесотку вылечишь легко ты,
Когда не будешь слушать бабку.
Иди к врачу, проси совет:
Чесотка этого боится.
А сам терпением вооружись,
Лечись и больше никаким.
Соседа в это ты втяни —
Твоя обязанность такая:
Коль будет твой сосед с чесоткой,
И ты не примешь ничего,
Пятном тебя клеймить мы будем:
Ты враг культуры в селе,

И стыд тебя покроет тенью,
Колхозник будет избегать.
С чесоткой другом тогда ты станешь,
А мы клеймить тебя начнем,
Учитель сельский, будь на-страже!
Ведь ты культурней всех в селе.
Руби, коли чесотку смело,
Не размножай ее в селе,
Ведь нас еще, врачей, так мало,
Чтоб насадить в любом селе,
А посему прошу я смело
Веди культурность хоть ты в селе,
Чтоб не заклять твоей культуры,
Чтоб не носили мы пятна,
Давай сплотимся воедино —
Чесотку сгоним со двора.
Врач Орджоникидзевского района
В. НАСТЮКОВ».

Мы не против того, чтобы врачи в свободное от занятий время использовали свой досуг на эпическую и лирическую поэзию, но полагаем, что даже у лиц, не зараженных неприятным недугом — чесоткой, — от таких стихов сразу появятся не менее болезненные симптомы.

ПРИСТРАСТНЫЕ ПОКАЗАНИЯ

Напечатанное ниже является нашими свидетельскими показаниями по делу об иске трудящихся города Москвы к Народному комиссариату юстиции о внедрении социалистической культуры в суд и судебный процесс. Правдивость наших показаний гарантирует фактическое положение вещей, что же касается беспристрастности, то таковая в наших показаниях отсутствует.

...Суд, который мы посетили, занимает большой серый дом, довольно скудной наружности, на одной из отдаленных улиц города. Как только мы открыли входную дверь, в нос нам бросился душный, спертый запах старого присутственного места. Пахло сургучом, карболовым раствором, какими-то жжеными перьями и другими канцелярскими деликатесами. Большая толпа истцов, ответчиков, подсудимых и свидетелей шумно топталась в узком коридоре. Мы узнали, что за месяц в этом суде разбирается три тысячи дел.

Мы направились в зал судебных заседаний надцатого участка. Под этим гордым псевдонимом скрывалась крохотная комнатенка, отдаленно напоминавшая подлестничные каморки кепочников-одиночек. Сизый, банный туман плавал в так называемом зале, набитом людьми доотказа. Сквозь туман, словно далекие маячные огни, едва виднелись красные распаренные лица судьи, секретаря и народных заседателей.

Судья надцатого участка вершил правосудие в бодром курьерском темпе. Не успевал подсудимый или свидетель открыть рот для ответа, как судья уже говорил: «понятно, ясно, известно» — и стремглав мчался дальше, листая дело, как ветер, ворвавшийся в форточку. А так как во время судебного разбирательства не переставало хлопаться двери, входили и уходили любопытные, то нам, собственно, так и не стало яс-

но и понятно, кого и за что судят.

Тогда мы шопотом обратились за разъяснениями к судейскому старожилу, который слушал процесс, жуя пирог с печенкой.

— Почему гонят, спрашиваете? — ответил старожил, громко проглотив пищу, — первое — это ему очень жарко, второе — это не хватает судей. Судья, считается, за месяц может разобрать сто пятьдесят дел, а наши разбирают по триста. Некоторые, конечно, справляются, а другие... вот так... галопом.

Мы переглянулись и тут же заметили еще одно странное явление: в суде не оказалось скамьи подсудимых. Свидетели и подсудимые дружно сидели рядышком в первом ряду судейских кресел. Сначала это трогательное единение умилило нас: вот они, буколические лев и лань, нежащиеся вместе под ласковыми лучами юриспруденции на одной судебной полянке. Потом нам стало скучно. Нет, нехорошо суду без скамьи подсудимых. Авторитет не тот. Для суда скамья подсудимых — это, честное слово, не роскошь, а гигиена.

Мы обратились за разъяснениями к тому же старожилу.

— Почему скамьи нет? — степенно ответил старожил. — Думаете это левацкий загиб? Затея формалистов? Никакой это не загиб. Сами видите, какое у нас помещение: куренка, скажем, и того не на что посадить, не то что подсудимого.

— Хоть бы нары сделали вместо скамьи подсудимых. Нары меньше места займут.

— Разве что нары. Идите-ка лучше в соседний участок, там помещение лучше.

Долго еще бродили мы по коридорам суда, заглядывая в так называемые залы, наблюдая идилическую простоту судейских нравов и страдая от давки в многочисленных очередях, а потом пошли к старшему судье.

Старший судья принял нас очень любезно.

— Мы будем говорить с вами начистоту, — сказали мы со свойственной нам подкупающей искренностью, — советский суд без зазнайства — лучший суд в мире. Это суд трудящихся. Но не находите ли вы, что культура судебного процесса у нас отстала недопустимо, безобразно, дико. Нам кажется, что сами судебные работники так притерпелись ко всем этим безобразиям, что даже перестали замечать их. Ведь даже соседний проймаг или столовка с подачей пива внешне выглядит сейчас куда культурнее и опрятнее, чем суд.

Старший судья хотел было возразить нам, но тут в кабинет ворвалась какая-то женщина с мокрой тряпкой в руках.

— Как хотите, а днем лестницу мыть не буду, — сердито сказала женщина с тряпкой, — у меня спина не каменная: и ночью мой и днем мой. Хотите соблюдать чистоту, возьмите себе еще одну уборщицу.

— Штаты не позволяют, Авдотьюшка, — дрогнувшим голосом сказал старший судья.

— Тогда со штатов и чистоту спрашивайте, — отрезала уборщица и вышла, хлопнув дверью.

— Вот вы говорите о культуре суда, — мягко сказал старший судья, — обращайтесь снова к нам, — а подумали ли вы...

Но тут в дверь постучались, и в

кабинет вошла дежурная секретарша.

— Денег на марки больше нет, — грустно доложила секретарша, — мы и так уже исполнительные листы отправляем простыми письмами. Нехватает на заказные. Бывает, что и доходит. А сейчас и на простые не осталось. Давайте хоть за счет судебной экспертизы купим марок.

— Валяйте! — махнул рукой

старший судья. — Ох, уж эти мне марки! Вот они где у меня сидят!

Старший судья показал, где у него сидят марки, и продолжал:

— Так вот о культуре суда. Я смотрю на этот вопрос так...

Но тут дверь снова отворилась и в кабинет на цыпочках вошел мужчина в сапогах, с мрачным и крайне озабоченным лицом. Наклонившись, он громким шопотом стал что-то докладывать старшему судье.

— Имеется в одном месте бумага, — доносился до нас его злобный шопот. — Только, конечно, нужно нажать. И чтобы все шитокрыто!..

— Вы меня извините, — сказал старший судья вставая, — но мне нужно ехать доставать бумагу. Нам дают десять кило бумаги на месяц: пиши — не хочу. Хватает нам этого на два дня. Вот сейчас завхоз говорит, что достал в частном порядке бумагу. Но дело это тонкое, деликатное, того и гляди сам под суд угодишь из-за этой бумаги. Ох, уж эта мне бумага! Вот она где у меня сидит!

Старший судья показал нам, где у него сидит бумага, и прибавил:

— Приходите ко мне завтра, может, я завтра буду свободен — вот тогда и поговорим о культуре суда.

Мы откланялись и пошли... сдавать в печать свои свидетельские показания.

М. ДЕНИСОВ

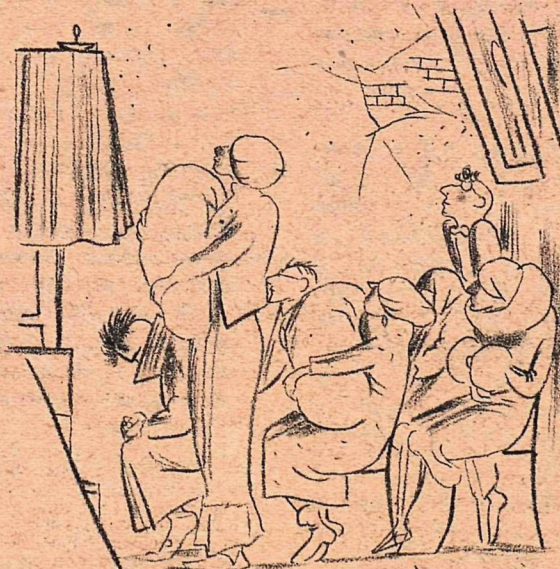

Рис. Л. Сойфертиса

Рис. Ю. Ганфа

— Фу, слава богу!.. А мне было показалось, что это идет твой отец!..

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Уважаемый Крокодил!

Что мне делать? Как избавиться от жутких звуков, появившихся в моей квартире с тех пор, как я купил электрический счетчик Ленинградского завода Электроприбор. Счетчик непрерывно жужжит, ворчит, а порой даже и рычит, напоминая о том, что у меня в квартире установлен счетчик именно завода Электроприбор.

Не может ли завод вырабатывать счетчики более спокойные и более приемлемые в условиях коммунальных квартир?

В. КОНДРАТЬЕВ

Харьков

Уважаемый Крокодил!

Из ЦК союза рабочих соляной промышленности мне прислали твердую сме-

ту по социальному страхованию, в которой указано, что на 100 человек застрахованных три женщины могут родить. А у меня на каждую сотню застрахованных приходится 40 женщин и иметь детей хотят буквально все, о чем наши женщины торжественно и объявили на собрании. Я сказал, чтобы рожали пока сверхсметно, а ты, надеюсь, поможешь нам исправить глупую смету профессиональных чинуш из ЦК союза соляной промышленности.

ЖАРОВ, председатель МК Союзсоль

пристань Батраки, Сызрань

Дорогой Крокодил!

У нас в селе Копти, Козелецкого района, Черни-

говской области, председатель сельсовета тов. Костюченко сделал себе обстановку для комнаты из церковной утвари. Портреты, например, он вставил в киот, на котором еще остались кресты. Войдешь к нему в комнату и не знаешь, что делать: то ли креститься и помахать кадилом и потом уже изложить свое дело или просто плюнуть и уйти. Спасибо еще, что он сам не сидит в толстовке, переделанной из рясы. Не можешь ли ты посоветовать тов. Костюченко работать в менее религиозной обстановке.

С. МОРОЗОВ

с. Копти

Дорогой Крокодил!

Недавно мне исполнилось пять лет и мама в день рождения купила мне гармошку за 16 рублей. Я стал играть и через полчаса вся краска с гармошки перешла на меня. Я хожу очень пестрый, мама меня ругает, и гармошку у меня отняли. А гармошку сделала Тульская артель инвалидов. Почему же гармошку отнимают у меня, а не у тех, кто ее не умеет покрасить?

ВОВА ХОХЛОВ

г. Оренбург

Дорогой Крокодил!

Приношу я честь-честью из нашего бологовского магазина № 5 конфеты в бумажном свертке. Честь-честью разворачиваю. Вот развернула я сверток, смотрю: конфеты все размякли, а бумажка оберточная стала синяя, как утопленник. Однако кое-что прочитать можно. Оказалось, что конфеты были завернуты в больничные документы. Мне досталась история болезни гр-ки Кононовой, Лукина и анализ мокроты гр-на Балансевича. Конфет мы не ели, а решили всей семьей честь-честью поблагодарить дорогую администрацию магазина № 5 за чуткое отношение к потребителю.

БАНЫЩИКОВА С ДЕТЬМИ

г. Бологое

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

Мы пришли в наш детский кинотеатр смотреть картину «Без ошибок». В афише было написано, что она звуковая. А она

была совершенно немая, только все время играл патефон, который стоял в будке у механика. Мы остались еще на один сеанс, чтобы проверить. Картина была опять совершенно немая. Заведующий детским кино думает, что раз мы маленькие, так нас легко обмануть. Но он сам похож на птицу страуса из географии, который прячет голову под крыло и думает, что он спрятался, такой же глупый.

Пионеры

БИЧЕВ и ИЛЬИНСКИЙ

ст. Константиновка, Донецкая область

Уважаемый Крокодил!

О нашем городе Вольске можно сказать словами из старого, уже забытого анекдота про кооперативную лавочку образца 1930—1931 года. Чего-чего только в нашем городе нет: театра нет (пятый год строится), тира нет, парашютной вышки нет! Что касается горсовета, то таковой есть. Существует. Выносит постановления. Но вольской молодежи от этих постановлений ни холодно, ни жарко, а скучно.

Делегаты X с'езда ВЛКСМ:

Секретарь горкома комсомола

НЕСТЕРОВ

Техник Н-ской воздушной части

А. МАЛЬКО.

ДОВОДИМ ДО СВЕДЕНИЯ ЗА НАРУШЕНИЕ ПАРТИЙНОЙ ЭТИКИ

Секретарь Кежемского райкома партии (Красноярский край) Тарасов послал дирекции курорта, где лечилась его жена, телеграмму-молнию с просьбой сообщить ему о поведении жены. Телеграф, как водится, искажил ответ дирекции. Тарасов в пылу ревности распродает все вещи жены, требует принятия срочных мер по отношению к «контрреволюционному» руководству курорта, которое допускает «разложение коммунистической семьи».

О заключениях ответственного ревнильца в № 32 за 1935 г. Крокодил поместил фельетон «О ревности, телеграфе и партийной этике». Красноярский крайком партии объявил Тарасову выговор за партийную несдержанность и нарушение партийной этики.

Рис. Ю. Ганфа

— Ваш костюм сделан из хорошего материала. Я наощупь понимаю. Я до войны был закройщиком на Лейпцигерштрассе.

ОСОБЫЙ ОТДЕЛ

В ВОЛНАХ СТРОГОСТИ

Всякая строгость имеет свои пределы. Иногда она просто леденит душу и сердце трудящегося, но не приносит осязательных результатов. В качестве образцов такой повышенной строгости приводим следующее объявление, вывешенное на дверях Ушачской (БССР) районной библиотеки:

«За задержку книг из библиотеки будут применяться самые высшие меры наказания».

Не менее строг и неразборчив в выборе выражений заведующий Северо-осетинского облфо Загиг

ев, который разослал редакторам районных газет, следующее заявление:

«Ежели в ближайшем будущем не представите в облфо бумагу — выписку из протокола об организации вашей газеты, — то будете лишены всяких средств к существованию».

Мы уже указали, что строгость имеет свои пределы. Теперь остается добавить, что, выйдя из своих пределов, она тут же на месте превращается в другое, менее возвышенное, но более популярное свойство — глупость.

СТИЛИСТЫ

Во время празднования Дня печати редакция газеты «За советский хлопок», орган политотдела Хлопкосовхоза № 7, наверно, говорила о способах воздействия печатного слова на читателей. Мы не знаем, какие примеры приводились в речах восторженных сотрудников, но нам хотелось бы спросить уважаемую редакцию о том, как должны реагировать ее читатели, которые могут прочесть в № 11 этой газеты следующую заметку:

«В прошлом году пастух 4-го отделения Говдинов пас индивидуальный скот, в том числе и начальника отделения тов. Мирошникова».

Единственное утешение для такой редакции это то, что в области формулировки мысли и пожеланий целиком и полностью может

ее поддержать начальник политотдела Конезавода № 51 тов. Джумагулов, каковой наднях заявил в одной из своих очередных речей. («Прикаспийская правда» № 88):

«На имя 10-го съезда комсомола организуется комсомольский табун, который и будет укомплектовываться членами комсомола».

Трудно, конечно, две вещи делать сразу. Но и для этого железного правила существует необходимое исключение: писать и думать, о чем пишешь, или говорить и думать, о чем говоришь, надо одновременно. Иначе и создаются такие незабываемые строки, какие мы только что здесь привели.

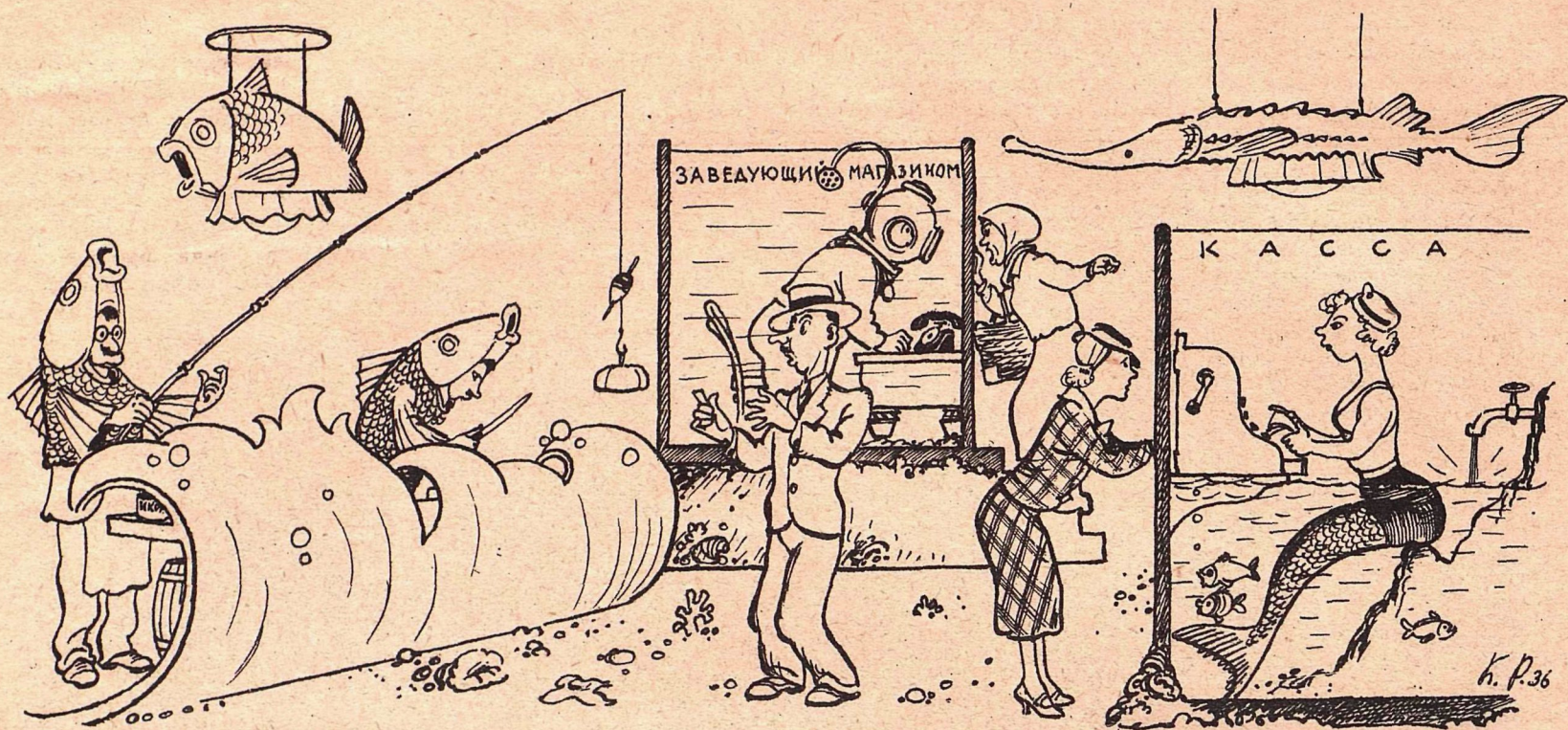
КЛЕЙТЕ РАЗУМНОЕ, БОДРОЕ, ВЕЧНОЕ

Честь и слава каждой стенной газете, которая умело организует своих читателей и старается привить им хорошие нравы и вкусы. Мы не осуждаем и те стенгазеты, которые в попытке дать литературный материал не достигли еще высокого классического уровня. Но не можем не поделиться с читателями и таким, например, документом, почерпнутым нами из стенгазеты «Банковец» Одесского госбанка, посвященной женскому дню:

«Я рад за женщин, Милых женщин, За их успехи и достижения. И с восторгом, скажу не меньше,

Наблюдаю за их достижениями. Шагнула женщина вперед, Скажу, гигантскими шагами, И рухнул уже под нею лед, Скользавший ее веками. Она теперь уже не рабыня, А самостоятельный человек, Для нее наступил счастливый век».

Особенно нам нравится это: «Я рад за женщин, милых женщин», осваивающее классическое наследство в виде романа «За милых женщин». Не думает ли редактор такой газеты отметить, ну, например, количество выговоров по учреждению каким-нибудь лирическим опусом, начинающимся хотя бы так: «Эх раз, еще раз, еще много, много раз?»

Иллюстрации К. Ротова

УНИВЕРМАГ КРОКОДИЛА

ТАЙНЫ ОФОРМЛЕНИЯ

— Как в дальнейшем будут оформляться наши магазины?

Некоторые наблюдения в этой области над уже готовыми образцами бурной роскоши и неорганизованной фантазии внушают нам серьезные опасения. Но нам так хочется видеть советский магазин хорошо и умно оформленным, что мы решили дать ряд советов, которые содержат наших запальчивых оформителей твердой рукой логики, спокойствия и уважения к эстетическим вкусам потребителя.

Как например искусно и заманчиво оформить рыбный магазин?

Многие думают, что необходимо внешность магазина приблизить к продукту. И что в данном случае внешняя форма рыбного магазина неминуемо должна напоминать перевернутого сома или другую популярную крупную рыбу.

Энтузиасты такого подхода утверждают, что вид перевернутого сома из стекла и бетона воспитывающе действует на среднего потреби-

теля, возбуждает в нем волю к рыбе и, так сказать, педагогически тянет его внутрь магазина.

Если поддаться тонкому очарованию этих замыслов, то и внутренний вид магазина придется подчинить тому же настроению.

Зачем тогда скучная прозаическая земная кассирша в таком магазине? От нее веет черноземом, суглинком, в крайнем случае песком. И не лучше ли одеть ее в костюм таинственной речной няиды.

чтобы она робкими плавниками помогала вертеть ручку кассовой машины и плотным хвостом отгоняла посетителей, пытающихся вне очереди доплатить сорок копеек за семгу.

А продавцы? Вот перед нами прилавок, изготовленный в стиле морского прибора, а за ним в разнообразной рыбьей прозодежде мелькают, резвясь и ныряя, мастера рыбной розницы. Они оптимистичны, они блестят чешуей и даже не взглянут нетерпеливо на часы, оформленные в виде поплавок. И как весело и бойко мелькают в их руках удочки, вылавливая талончики из рук покупателей. Вот в красивых высушенных и узорно сплетенных сетях сидит дежурный по магазину, готовый выслушать любую жалобу покупателя и сообщить о ней завмагу, который мирно плещется в кабинете-аквариуме. И даже швейцар, остро и бодряще пахнувший рыбой, кажется вот-вот только что вытащен тугой леской из прозрачных водяных недр.

Красиво, незабываемо—но ненужно нам такое оформление, товарищи?

Или вот, допустим, мясной

магазин, гоже доведенный вплотную до продукта. По внешности он напоминает теллячью ногу в стиле Корбюзье, с некоторой скидкой на лодыжку, оформленную ампиром. В шкафах домашних животных, украшенные подпиленными рогами, бодрствуют на своих постах продавцы. Мычит радио, снабженное специальным животноводческим диктором—звукотражателем. Паркетные плиты эффектно расположены в виде разреза коровы вдоль и поперек, а потолок изящно нависает над зрителем фестонами из битой птицы и куриного филе.

Красиво? Незабываемо! Но грустно станет нам от такого оформления, товарищи. И захочется нам купить полуфабрикат шницеля в менее пышном, но в более деловитом ч красивом магазине.

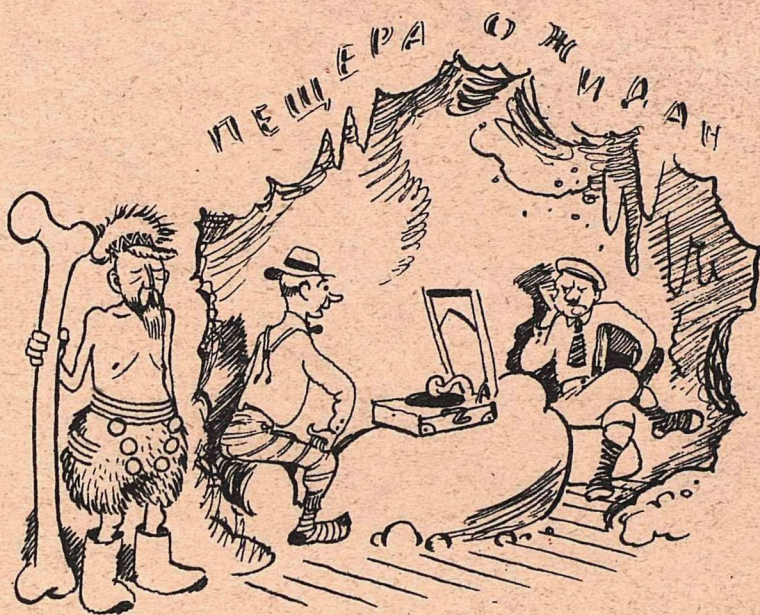
Опасаемся мы и других угрожающих здоровому вкусу увлечений, уже замеченных нами в тенденциях некоторых храмов розничной торговли: болезненное пристрастие к внезапно выплывшему и доведенному до конца столь же роковому, сколь и натуралистическому стилю.

Многоопытным и подозрительным оком заранее видим мы, например, магазин хозяйственных принадлежностей, оформленный в древнеегипетском стиле. Тонкими и пронзительными иероглифами начертано на плакате, что дверных ручек и унитазов нет. Специально подобранные на периферии продавщицы с острыми подбородками и плоскими, двойковыгнутыми профилями указывают посетителям дугообразными движениями узких пальцев на шпингалеты и водопроводные краны. На прилавке, склеенном из искусственного песка пустынь, снуют в белых балахонах молодые люди с египетскими станами и пятками, выкликивая звонкими голосами похвалы доблести и выносливости плевательниц из пластмассы. Гордая пирамида из фановых труб завершает строгий стиль магазина, а два бывших кепочника-одиночки, специально нанятых из-за египетской внешности, символизируют зной древнего Египта, возле в томной позе на груде запасных частей парового отопления.

Или вот еще рисуется нашему взору пошивочно-починочная мастерская, оформленная в стиле первых веков человечества, начиная от первозданного хаоса и немного позже. Фанерные гро-

ты и скалы. Щедро раскрашенный ихтиозавр держит в пасти печатные расценки на утюжку и перешивку. В ожидальне, монументально оформленной под кратер непотухшего вулкана, в самой глубине его, на креслах из

ки из кенгуровой кости на принятые заказы, и мрачный швейцар у входа указывает посетителям направление галлерей и тротов берцовой костью мамонта, сделанной из уже упомянутой пластмассы.

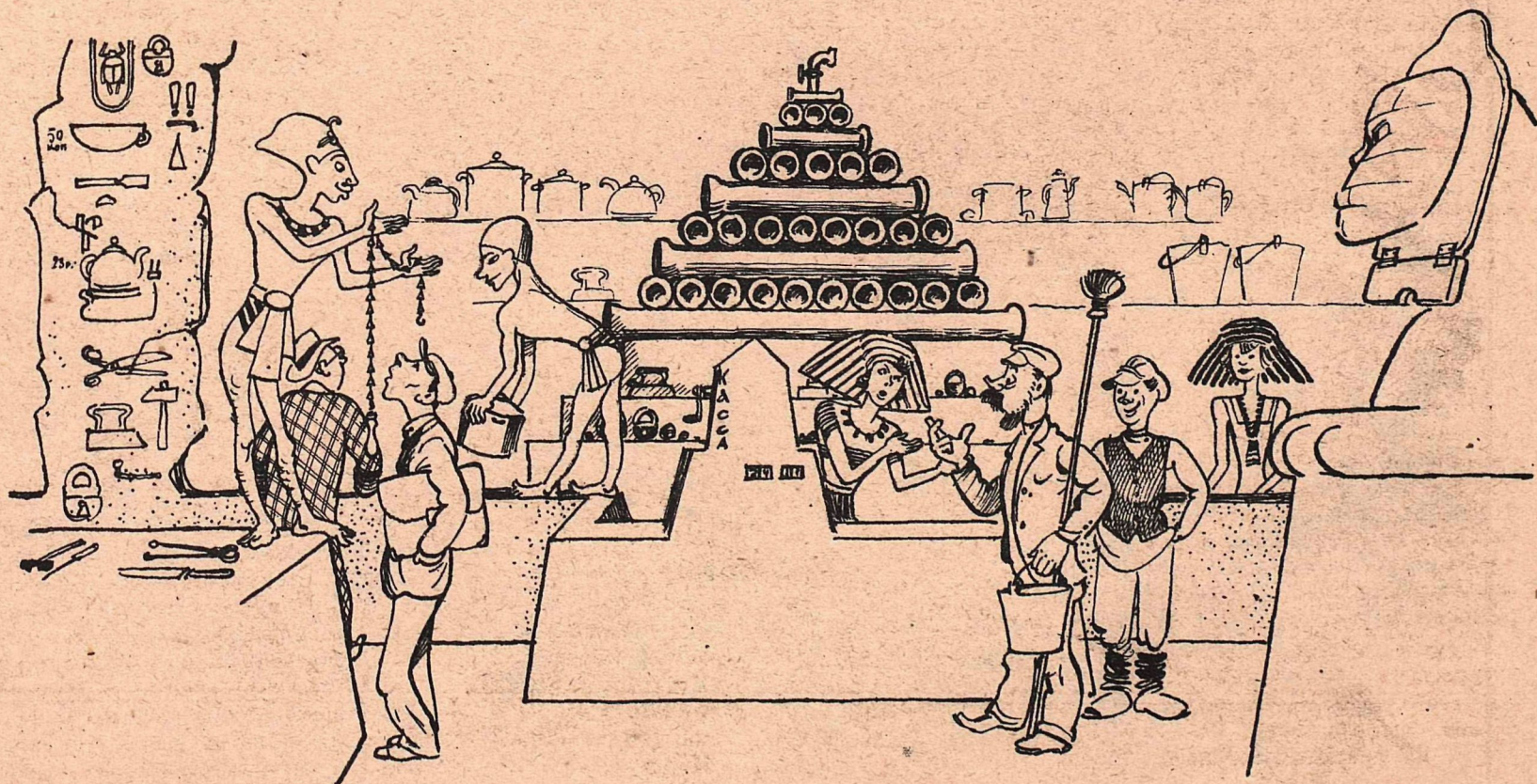
искусственной лавы сидят в нижнем белье посетители, ожидающие костюмов, отданных бригаде гладильщиков. В небольшой пещере из пресованной бумаги, сидит заведующий, выдавая талончи-

Или, например, киоск с мороженым, оформленный не менее витиевато и загадочно чем многие вновь возникающие киоски, но более целеустремленно. Он весь пронизан Арктикой. Посетитель

получает вкусное и питательное эскимо за 80 копеек из лап подлинного белого медведя, привязанного цепью к прилавку, чтобы не убежал с дневной выручкой. Вместо столиков — имитация аптекарского льда из той же пластмассы или молочных отходов. Глыбы на двоих, на троих, семейная глыба. Морж-автомат выкидывает на блюдечки порции фисташкового мороженого, а за перегородкой, оформленной под северное сияние, скрыт ледяной джаз, играющий на шипковых инструментах из низкорослой сосны и гагачьего пуха. Специально приобретенный конференсье нагоняет холод мелкими шутками, а при выходе посетители могут приобрести натуральный снег в оригинальной упаковке.

Мы могли бы продолжить наши советы, но ограничимся одним заключительным пожеланием: мы за красивое оформление советского магазина и всячески приветствуем тех, кто добивается этого, но мы решительно против всякой пышной и нелепой безвкусицы. И особенно против тех, кто, прочтя наши советы, тонко улыбнется и все-таки станет претворять их в жизнь...

А. ПОЛУЗАЙЦЕВ

9 МАЯ 1935

Рис. А. Радакова

50
ОБЯЗАТ. С...
9 - МАЯ 1935
Всес. М. П. М. Т. Полю

— Как это у вас, дорогой товарищ, весь вечер борода не отклеивается?
 — А очень просто: она у меня настоящая.

W 112